

Title	А б с т р а к т н о е о т г л а г о л ь н о е с у щ е с т в и т е л ь н о е в р у с с к о м я з ы к е : и с т о р и я в о п р о с а
Author(s)	У э х а р а , Д ж у н и ч и
Citation	大阪外国語大学論集. 2000, 23, p. 149-169
Version Type	VoR
URL	https://hdl.handle.net/11094/79837
rights	
Note	

The University of Osaka Institutional Knowledge Archive : OUKA

<https://ir.library.osaka-u.ac.jp/>

The University of Osaka

Абстрактные отглагольные существительные в русском языке (история вопроса)

УЭХАРА Дзюньити

ロシア語の動詞派生抽象名詞（「研究史」として）

上 原 順 一

この研究ノートは筆者がロシア語の動詞派生の名詞、主に動作名詞を中心とする語類を考察する前段階として書いた先行研究の概略である。

ロシア語の動詞派生の動作名詞は、おもに2つの点で研究されてきた。まず第1は、動詞が文の中核をなし、動作名詞がその名詞化形式であることから、文と動作名詞の統語的・意味的関連の研究である。ここでは特に、動詞の動作、状態、出来事などの意味（過程的意味 *процессуальное значение* と言われる）が注目されている。ロシア語の動作名詞は、辞書では、典型的には「基体動詞の意味による」と記述されている。これは日本語流に書けば「歩き＝歩くこと」となる。この枠組みでは動作名詞は語彙論としてよりは統語論や文の意味論からのアプローチが発達してきた。

第2は、第1の側面よりはあまり研究が進んでいないと思われるが、この種の名詞における動作以外の意味（非過程的意味あるいは物体的意味 *предметное значение*）の発展に関する研究である。基体である動詞との派生関係や接尾辞に依存する意味の違いが中心に議論が進んできたが、動詞をとりまく行為項が非過程的意味の基盤であると考えられている。

これら2つの側面はいずれも、名詞よりは、この語類の基体である動詞に比重を置いた研究である。しかし、動作名詞は実際には上記以外のさまざまな意味を表しうる。ロシア語の動作名詞が総合的にどのような意味をもつのかという、語彙としての意味論研究がこれから期待されるであろう。

研究ノートの最後には文献を記した。ここには本文中に引用したもの以外に主要な論文をリストアップしている。

1. Общие замечания к истории вопроса

Хорошо известно, что отглагольное словообразование со всей разветвленной системой представленных здесь словообразовательных моделей и всем разнообразием фиксируемых ими словообразовательных значений составляют яркую типологическую черту русского языка. Не

случайно, что описание этой системы всегда занимало в русистике огромное место, и в академических грамматиках русского языка ему уделялось особое внимание. Были четко выделены в этой системе и отдельные ее участки – например, образование отглагольных имен прилагательных, образование названий производителя действия, носителей особых состояний, образование орудийных и инструментальных имен и т. д. Семантика указанных категорий позволяла достаточно ясное их обособление и отдельное описание. Совсем иную картину демонстрируют так называемые имена действия, ибо этим термином покрываются, с одной стороны, и существительные, называющие состояния и процессы (т. е. не только названия действий так таковых), а, с другой, – нередко – названия фактов, событий, ситуаций и т. д., а также соответственно, номинализации с этим значениями, восходящие к тем или иным пропозитивным структурам.

Мы принимаем термин "имена действия" и коррелятивные им *Nomina Abstracta* и *Nomina Actionis* (далее NA) именно в этом расширительном толковании: в фокусе нашего внимания оказываются ВСЕ существительные, мотивированные глаголом и сохраняющие с ним живую связь, отражаемую в дефинициях этих дериватов, независимо от того, НАСКОЛЬКО или же В КАКОЙ МЕРЕ они сохраняют исходные значения мотивировавших их глаголов. Рабочее определение имен действия чисто условно и указывает точно лишь на один их определяющих для нас критерий: мотивированности глаголом и живую синхронную связь с ними.

В обзоре далее мы несколько подробнее осветим вопрос о *границах* класса NA в их различных трактовках, но подчеркнем сразу, что нам представляется более перспективной широкое понимание рассматриваемой нами категории (или класса производных слов), позволяющее выяснить весь спектр значений существительных, мотивированных глаголами с разной семантикой (деятельности, действия, процесса, состояния, отношения, бытия, качества и т. д.).

Существительное и глагол занимают центральное место среди частей речи в современном русском языке. Отглагольные имена существительные формировались в русском языке на основе взаимодействия этих двух частей речи, каждая из которых накладывает свой отпечаток на грамматические, а, главное, семантические признаки производного слова. Как и любое другое существительное, имена действия характеризуются грамматическим значением предметности, которое находит свое выражение в морфологических и синтаксических свойствах этой части речи. Такими свойствами, общими для всех существительных,

являются грамматические категории рода, числа и падежа ; в предложении же они функционируют преимущественно в качестве подлежащего и дополнения, т. е. особых аргументов при глаголе-предикате.

В общепринятых определениях имени действия обязательно отмечается, что они – производная номинация с пересекающимися глагольными и именными свойствами как в семантическом, так и в синтаксическом плане (см. Кубрякова 1978. 84). Однако уже в XIX веке обращалось внимание на морфологические последствия глагольного происхождения имен действия. Так, А. Х. Востоков считал, что "в существительном отглагольном теряются означение времени настоящего и прошедшего, принадлежащее причастиям и деепричастиям, но сохраняется вид глагола, например, *чтение, прочтение, читывание*" (Востоков 1835. 108). М. М. Покровский писал о совмещенных следах переходных и непереходных глаголов, например, в слове *удаление* (удалить/удалять и удалиться/удаляться) (Покровский 1956. 220-221). Известно учение Е. Куриловича и В. Порцига об абстрактных существительных, первичной функцией которых становится сведение предложения к слову (Общее языкознание 1972. 308-318), и с этими взглядами можно сравнить учение о предикатах, предикативных словах, событийных словах О. Есперсена (Есперсен 1958).

В современной лингвистике широко распространено мнение, согласно которому процессуальные значения у имен существительных возникают либо путем развития многозначности, либо путем отглагольного словопроизводства (Кубрякова 1978. 84 ; Коряковцева 1999. 30). В практике описания производных *Nomina Actionis* в качестве примеров, как правило, используются только отглагольные существительные (Грамматика современного русского литературного языка 1960. 249-263 ; 1970 65-76 ; 1980 149-153). Повышенное внимание к отглагольным именам действия объясняется тем, что эти существительные, "выйдя" из глагола, но сохраняя частично его грамматические признаки и само значение действия, оказываются внутренне противоречивым подклассом имени существительного. Отглагольные имена действия занимают как бы промежуточное положение между глаголом и существительным, они находятся в своеобразной "зоне синкретизма" существительного и глагола (Бабайцева 1989). Эта неопределенность имен действия, очевидно, привлекала и привлекает исследовательский интерес лингвистов (Щерба 1958 ; Коряковцева 1998, 1999). В то же время, признавая за именами действия (в широком понимании) статус семантико-словообразовательной категории, исследователи подчеркивают, что несомненным центром, ядром этой

категории являются отглагольные Nomina Actionis. К периферии этой категории относятся словообразовательные категории неотглагольных (отсубстантивных и отадъективных) имен действия (Коряковцева 1999, 31). Как показывает проведенный нами анализ имеющихся исследований, вопрос о границах класса имен действия продолжает оставаться дискуссионным и в современной лингвистике.

В концепции В. П. Казакова "имена действия" – это не отглагольные существительные как таковые, а только те из них, которые сохраняют исходные глагольные значения. Термин "имя действия" оказывается одновременно и более узким по значению, чем "отглагольное существительное", так как предполагает процессуальность семантического деривата, и более широким, так как не означает обязательную производность существительного от глагола. Таким образом для абстрактных отглагольных существительных имен действия важным признается "наследование" глагольной семантики, и – шире – семантики признаковой.

В современных работах отмечается, что событийная семантика, свойственная номинализациям, соотносима с осью времени, благодаря чему имена действия способны формировать номинативные предложения : *Давка. Собрание* (Арутюнова 1978. 76–80 ; Казаков 1994. 3).

В русском языке, как правило, отглагольное существительное соотносится с обеими видовыми формами глаголов (см. Исаченко 1960; Коряковцева 1999). Например, *объяснение* может быть воспринято как существительное к глаголу *объяснять* (несовершенного вида) и *объяснить* (совершенного вида). Значение залога (активность и пассивность) ощущается у отглагольных существительных типа *изучение* только при сопоставлении с такими существительными, как *изучаемость* и *изученность*.

Однако наблюдения над временными, аспектуальными, а также залоговыми значениями, "дремлющими" в отглагольном деривате в латентном состоянии (Кубрякова 1978. 89), еще не дают оснований для вывода о полном сохранении отглагольным дериватом соответствующих морфологических категорий. Морфологическая невыраженность в существительном значений, генетически присущих глаголу, отличает девербативы от других отглагольных форм, в том числе причастий и деепричастий (Казаков 1993. 102). По своим синтаксическим признакам имена действия, если исходить из традиционной теории членов предложения, не отличаются от других имен существительных, выполняя в предложении функции подлежащего, сказуемого, дополнения и др.

В отношении своего двойственного статуса девербативы сближаются

с деадъективами. П. Адамец отмечает, что по своему семантико-синтаксическому функционированию оба эти разряда существительных явно сближаются, заметно отличаясь от других разрядов (Адамец 1973). Близость этих имен видится также в том, что "значения действия, состояния, качества, выражаемые этими именами, не соответствуют общему категориальному значению предметности, но подчиняются ему, принимая морфологические формы предметного имени, становясь "опредмеченным" наименованием действия, состояния, качества" (Золотова 1982.126). В то же время исследователи этого разряда существительных, как правило, указывают, что поведение отглагольных имен действия в предложении имеет свои особенности по сравнению с существительными других лексико-грамматических разрядов (Золотова 1982 ; Казаков 1993).

Отглагольные имена существительные отграничиваются прежде всего от конкретно-предметных существительных, совместимых только с определительными распространителями. Специфика отглагольных имен действия заключается в их способности, подобно глаголам, поддерживать со своим ближайшим окружением актантные синтаксические отношения, маркирующие различных участников действия. Значительные различия между именами действия и конкретно-предметными существительными обнаруживаются и в рамках сочетаний с определительными отношениями. Анализируя словосочетания типа *быстрая ходьба*, Г. А. Золотова отмечает, что прилагательные здесь " не те, что определяют признаки, качества предметов, это характеристики действия, процесса с точки зрения его протяженности во времени, интенсивности, результативности" (Золотова 1982.125).

В работах Е. И. Коряковцевой особое внимание уделяется проблеме статуса имени действия, причем в самой проблеме предлагается выделить по меньшей мере три вопроса : 1) является ли имя действия обозначением только отвлеченных действий ; 2) каковы типичные семантические, морфологические и синтаксические свойства отглагольных имен, обуславливающие их центральное положение в рамках данной семантико-словообразовательной категории имен действия ; 3) каковы показатели процессуального значения существительных (Коряковцева 1996.56). Детальное рассмотрение этих вопросов позволяет автору сделать вывод о том, что категория имен действия является семантической категорией, включающей не только существительные со словообразовательным мотивированным процессуальным значением, но и существительные, у которых это значение является "автономным", словообразовательно не мотивированным (отыменные существительные,

типа "безумство, мародерство").

Таким образом, сама категория абстрактных имен существительных со значением действия (имен действия) оказывается также неоднородной : микросистема производных имен действия в русском языке включает в себя как отглагольные, так и неотглагольные дериваты (Коряковцева 1996). Наряду с ярко выраженной отглагольной категорией имен отвлеченного действия в языке на протяжении многих столетий функционируют отыменные существительные с процессуальными значениями, типа *мародерство, безумство*. О принадлежности целого ряда отыменных абстрактных существительных к семантико-словообразовательной категории имен действия свидетельствует их сочетаемость с лексико-синтаксическими и морфологическими показателями процессуальности, типичными для отглагольных имен действия. Отадъективные имена действия на -ство, отмечает Е. И. Коряковцева, как и отыменные имена действия, входят в систему словообразования *Nomina actionis*. Однако, они играют в ней второстепенную роль, поскольку эти существительные имеют синкретичные значения качества-действия и состояния-свойства.

Но вышесказанное этим ученым мнение можно все же поставить под сомнение : с одной стороны, и безумство и мародерство легко связываются с глаголами *безумствовать* и *мародерствовать*, и в какой-то мере они сохраняют отчасти и процессуальное (хотя и ослабленное) значение (ср. *такое безумство = безумное поведение сохраняется уже несколько месяцев ; мародерство стало обычным явлением в этих краях*). Сказанным мы не отвергаем возможности интерпретировать их как обозначения, определяемые как некие свойства ; в то же время обороты "вести себя как безумный" или "как мародер" тоже предполагают процессуальную трактовку, что тоже позволяет рассматривать их как имена действия.

С другой стороны, действительно, степень выраженности процессуальных значений у отглагольных имен может быть различной, и именно это заставляет нас говорить о необходимости изучить дифференциацию значений имен указанного класса.

2. Отглагольные имена существительные как "гибридный" или "смешанный" класс производных слов

Отглагольные имена действия постоянно привлекают внимание исследователей как особый подкласс в системе имен существительных. Это, очевидно, связано с центральным положением девербативов как типичных носителей общего значения процессуальности в рамках семантико-словообразовательной категории имен действия.

Общекатегориальными признаются также морфологические и синтаксические свойства этого имени (Коряковцева 1999. 31 и др.). Однако специфика отглагольных имен наиболее ярко проявляется в семантической неоднородности этих единиц, в синкретизме их глагольных (процессуальных) и именных (предметных) значений.

По всей видимости, способность девербативов сохранять не только семантические, но и синтаксические и категориальные свойства, а также синтаксические валентности производящих глаголов, позволяет рассматривать эти имена действия как "смешанный", "гибридный" класс существительных. А. М. Пешковский называл их "глагольными существительными", так как при сопоставлении пар типа *произнесение* – *произношение*, *удвоение* – *удваивание* в анализируемых именах обнаруживались оттенки видовых значений (Пешковский 1956. 112). В традиционных определениях имени действия обязательно отмечается, что это производная номинализация с пересекающимися глагольными и именными свойствами как в семантическом, так и частично в синтаксическом плане (Кубрякова 1978. 84). Предполагается, при этом, что имя действия, как и любое другое существительное, базируется на категории предметности. Однако наличие не-предметных значений у существительного отмечалось уже давно. Соответственно и основной недостаток традиционного представления частей речи связывается с неточностью указания в них на значения частей речи. Действительно, исходному положению о том, что существительные обозначают предметы, противоречат факты, указывающие на то, что существительные могут обозначать действия "игра, ходьба, езда", состояния "болезнь, покой", процессы "рисование, крашение" и др.

Гибридная природа имен действия обуславливает единство и борьбу двух начал: субстантивного и глагольного. С одной стороны, язык стремится привести значение отглагольного деривата в соответствие с категориальным значением имени существительного (Хохлачева 1969. 42). С другой стороны, имя действия стремится к сохранению процессуальной семантики посредством развития суффиксального словообразования (Лемов 1975. 17). Не будучи маркированными, имена, образованные способом нулевой аффиксации, не обладали способностью к закреплению значения действия. Тогда активизируются различные суффиксальные образования, но они постепенно охватываются процессом опредмечивания. Грамматическая предметность девербатива становится предпосылкой его семантической эволюции в сторону лексической опредмеченности (Казаков 1993. 103). В течение XVII–XVIII вв. появляются образования от вторично имперфектированных глаголов на –ыва/–ивание, в которых

процессуальное значение наиболее устойчиво (Русская грамматика 1980, Т. 1. 160).

Семантическая сложность отглагольных существительных создает значительные трудности для их теоретического осмысления как класса (разряда) имен существительных. В этой связи представляется целесообразным более подробно остановиться на концепции частей речи (особенно в отношении к отглагольным существительным), разрабатываемой Е. С. Кубряковой (Кубрякова 1987 ; 1998 и др). Положения этой концепции, на наш взгляд, могут способствовать более глубокому пониманию "гибридной" природы отглагольного имени. Рассматривая подобные отклонения от традиционной схемы частей речи, Е. С. Кубрякова отмечает, что примеры существования "нетипичных" наименований демонстрируют не только широкий возможный диапазон семантики существительных (Кубрякова 1978. 49-50). Более интересным представляется, что "непоследовательность" в семантике существительных наблюдается в тех случаях, когда сами эти существительные *вторичны* и базируются на знаках другого класса : *игра* от *играть*, *рисование* от *рисовать* и др. Е. С. Кубрякова привлекает внимание исследователей к проблеме происхождения подобных вторичных значений у разных частей речи, и, в частности, к их происхождению в отглагольных существительных. Отмечается в этой связи, что такие значения, как "действие", "состояние", "процесс", по-видимому, трудно соотнести только с одной частью речи, и разграничение таких понятий достаточно затруднительно.

Для решения целого ряда взаимосвязанных с данной проблемой вопросов Е. С. Кубрякова предлагает обратиться к исследованию такого номинативного знака, как производное слово, и рассмотрению процессов создания новых наименований. В разрабатываемом ею подходе за основу берется положение, согласно которому возникновение вторичных значений возможно только на базе отстоявшихся первичных значений – значении предметности, процессуальности и атрибутивности, признаковости. При этом вторичные значения не противоречат основным значениям частей речи, а скорее *повторяют* их в другом классе слов, переносят значение одной части речи в другую по моделируемым и строгим законам. Наблюдаемые здесь явления подводятся под понятие "транспозиция" – перевода знаков из одной категории в другую.

В исследовании семантики производных наименований, в частности, отглагольных существительных, большое значение придается их мотивированности и их рассмотрению как знаков с двойной референцией (Кубрякова 1978. 64 и др.). Так, в отглагольных существительных,

производных наименованиях типа *лом* или *ломка*, очевидно прослеживается связь с глаголом *ломать* : "лом" – "это то, чем ломают", "ломка" – это название действия по глаголу *ломать*. Прослеживаемая связь с конкретным глаголом позволяет установить, откуда в структуре производных слов появляется семантический компонент "действие". Далее отмечается, что в словах типа "кипячение", "скручивание", "изучение" и др., которые могут быть семантически определены как названия действий, отражено некоторое предметное начало, которое оформляется специальными показателями и связано с переводом в класс существительных. В то же время присутствует и указание на компонент "действие", формально выраженное корнями глаголов *кипятить*, *скручивать*, *изучать*.

3. Семантика глагола и влияние его процессуальных значений на значение НА

Как отмечается в имеющихся исследованиях, специфика отглагольного существительного связана с "нестандартностью", неоднородностью их значений (Коряковцева 1999 ; Панов 1962 и др.). При этом в основной своей массе эти существительные сохраняют семантические характеристики производящих глаголов. Важнейший из этих характеристик является обобщенное значение "процессуальность", так как это значение является семантическим центром класса имен действия. Процессуальность признается, как известно, типичным признаком глагола как части речи – это общее свойство всех переменных признаков, выраженных глаголом. В этой связи представляется необходимым более подробно рассмотреть имеющиеся исследования по этой проблематике, так как они проясняют значение концепта процессуальности в семантике глагола и ее влияние на значение НА.

Известно, что глагол – это та часть речи, в которой обобщенное значение "процессуальность" выражается определенными морфологическими категориями. Процессуальность, движение во времени, – это общее свойство переменных признаков, выражаемых глаголами : действий, процессов, состояний. Именем действия принято называть субстантивный аналог глагола, так как в русском языке нет термина для обозначения всех переменных свойств, выражаемых именами существительными, т. е. действий, состояний, процессов. Специфика этих значений служит основой для дифференциации различных типов имен действия (Коряковцева 1996. 57).

Действия и процессы связываются с представлением о нестатичности происходящего, отличительным их признаком является то, что смена фаз

действия и процессов происходит синхронно реальному протеканию времени. Состояния, так же как действия и процессы, имеют пофазное существование, т. е. в каждый данный момент возникает следующая фаза существования, но она абсолютно идентична предыдущей и не требует приложения энергии для своего возникновения (Vendler 1967. 995, Lyons 1977. 483).

При рассмотрении предикатов с процессуальными значениями в аспекте динамики/статики, выделяются динамические и статические явления. К динамическим явлениям относят обычно процессы (длительная деятельность) и события, поступки, происшествия (недлительная деятельность). Как статические явления характеризуют состояния, поведение (Булыгина 1982. 85). События противопоставлены происшествиям по признаку преднамеренности (событие) / непреднамеренности (происшествие). Событие может быть дискретным и поэтому разложимо на отдельные действия; они характеризуются тем, что в них участвуют определенные люди. Глагола со значением происшествия описывают лишь происшедшее в некоторый момент времени событие, но не подразумевают, что это событие было подготовлено каким бы то ни было процессом. Они не способны выражать отдельное действие в процессе его осуществления.

Поступок определяется как сознательное действие, акт нравственного самоопределения. Поступок обычно является объектом субъективной оценки (Сахно 1992. 95). Поведение, образ жизни и действий, характеризуется как статическое явление, ввиду того, что оно не требует приложения энергии для своего возникновения. В отличие от состояния поведение – это контролируемое явление (Булыгина 1982. 69).

Среди отглагольных дериватов часто различают "события" и "факты". Н. Д. Арутюнова отмечает принципиальное различие между двумя типами непердметных значений, которое заключается в локализации "события" в реальном жизненном пространстве, а "фактов" – в логическом пространстве мира мнений и знаний (Арутюнова 1988. 134). Оба типа номинализаций кардинально отличаются от отглагольных существительных, подвергшихся лексической опредмеченности.

Последняя, как известно, приводит к утрате дериватом процессуального значения и получает отдельную фиксацию в словаре. Например :

ВХОД, –а, м. 1. Действие по знач. глаг. *входить*. *Вход свободный*...
2. Место для прохода внутрь чего-л. . . (Словарь русского языка : В 4 т. 3-е изд., 1985. 242).

Что же касается имен действия, то различие между "событиями" и "фактами" в словаре не отражается. Однако иллюстрации, используемые при толковании значений отглагольных существительных, выявляют как

событийные, так и фактообразующие значения. Например : ПРОСАЧИВАНИЕ, -я, ср. Действие по знач. глаг. *просачиваться*. *Фольгер заявил, что подземные воды не могут возникать от просачивания поверхностной воды, утверждая, что земля вообще не способна пропускать сквозь себя воду.* Галактионов. *Жизнь рек. Индийское влияние, просачивание на территорию будущей Камбоджи племен из Индии, началось позже...* А. Варшавский. *Города раскрывают тайны...* (Словарь русского языка 1985. 518).

В первом примере девербатив имеет фактообразующее значение. Ср. "Подземные воды не могут возникать оттого, что просачивается поверхностная вода ... " (Казаков 1994. 132).

Во втором примере представлена событийная номинализация.

Ср. "Процесс просачивания на территорию будущей Камбоджи ... ".

Лексикализация отглагольных дериватов связывается с эволюцией событийного значения ; другой путь, т. е. возможность развития фактообразующего значения, "обычно упирается в лексический тупик" (Арутюнова 1988. 36). "Выводимость" отглагольного существительного с непроцессуальным значением из событийной номинализации демонстрируется на примере "вождение Джоном автомобиля", который может быть интерпретирован в следующих смыслах : 1) тот факт, что Джон водит автомобиль ; 2) определенная деятельность, например, "вчерашнее вождение Джоном автомобиля" ; 3) присущая Джону манера вождения (Fraser 1970. 85). Очевидно, что лексикализация производного в последнем варианте возникает в результате отвлечения от множества конкретных случаев вождения Джоном автомобиля. При этом как событийная номинализация, так и ее процессуальный аналог, допускают развертывание в как= предложение : "То, как Джон вел вчера автомобиль... - То, как Джон водит автомобиль... Отмечается также, что рамки предложения не всегда достаточны для различения событийного и процессуального значений (см. Кубрякова 1978 ; Казаков 1994).

Подобно многим другим понятиям в лингвистике, понятие "действие" представляет собой понятие с нечеткими границами и должно интерпретироваться в виде полевой структуры. В. Г. Гак признает имена действия субстантивными аналогами глаголов, с которыми они входят в одно функциональное поле действия (Гак 1992. 79). Отглагольные существительные, входящие в это поле, отражают признаки ситуации действия : 1) сам процесс "хождение" ; 2) субъект "ходок - тот, кто ходит" ; 3) объект "постройка - то, что построено" ; 4) место - "сушилка - то, где сушат" ; 5) орудие "резак - то, чем режут" ; 6)

признак действия "походка – то, как идут". Отглагольные существительные Гак относит к вторичным качественным средствам обозначения действия, которые осуществляются на основе транспозиции (см. также Кубрякова 1978.)

В исследовании Г. А. Кузнецовой устанавливаются признаки процессуальности отглагольных существительных и выявляются условия, способствующие сохранению этого значения (Кузнецова 1979). Наиболее последовательно проводят это значение те отглагольные существительные, которые обозначают действие как неопределенный, нерезультативный процесс, т. е. имеют оттенок длительности в своем значении. Наличие оттенка длительности зависит от характера производящей основы, а также от способа образования данного отглагольного существительного.

Установлено, что основы глаголов несовершенного вида более продуктивны в словопроизводстве отглагольных существительных, имеющих процессуальное значение, чем основы совершенного вида. Условием сохранения оттенка длительности в значении отглагольного существительного является образование их при помощи суффикса -ние, так как этот суффикс 1) сам по себе стремится выразить именно значение длительности, 2) образует отглагольные существительные обычно от основ несовершенного вида глаголов, 3) при его использовании сохраняются суффиксы производящей основы. Итак первым признаком процессуальности отглагольного существительного является наличие оттенка длительности в его значении. Вторым признаком процессуальности является наличие при отглагольном существительном зависимых падежных форм со значением субъекта, объекта и обстоятельства действия. В качестве третьего признака предлагается рассматривать употребление отглагольного существительного в форме множественного числа.

В общем употребление абстрактных существительных в формах множественного числа является морфологическим показателем их процессуальности, указывающим на различные проявления действия либо его повторяемость (Гак 1989. 110). Логично предположить, что если абстрактные существительные в формах множественного числа имеют такие значения, то в форме единственного числа они обозначают действие вообще (Коряковцева 1996).

4. Номинализации и вопрос о поведении отглагольных имен в составе предложения и в тексте

Согласно традиционным теориям членов предложения по своим синтаксическим свойствам имена действия выполняют в предложении функции главных и второстепенных членов, как будто не отличаясь от

других существительных. Однако такой подход не учитывает смысловую организацию предложений с отглагольными именами действия (см. Золотова 1982 ; Космарская 1989 ; Казаков 1993). Е. И. Коряковцева анализирует несколько примеров, укладывающихся на явную не состоятельность традиционного подхода (Коряковцева 1999. 35). Например, в предложении *Наступление лета обрадовало горожан* на чисто формальном основании подлежащее наступление должно квалифицироваться как производитель действия (субъект), а дополнение *горожан* – как предмет, на который направлено действие. Такая интерпретация, как справедливо указывает Е. И. Коряковцева, находилась бы в противоречии со здравым смыслом, поскольку сочетание *наступление лета* обозначает ситуацию, являющуюся причиной эмоционального состояния субъекта (людей). Очевидно, что имена действия нуждаются в иной системе координат для определения своих синтаксических функций.

Синтаксическая специфика отглагольных существительных проявляется во взаимосвязи двух координат, которые, В. П. Казаков условно называет "внутренним" и "внешним" синтаксисом, т. е. на уровне присловных связей и на уровне предложения (Казаков 1993 ; 1994). Для пояснения этого положения предлагается проанализировать следующий пример : "В конце прошлого года во время пребывания во Франции мэра Санкт-Петербурга была достигнута договоренность о взаимных поездках школьников".

Имя действия "пребывание" в свернутом виде представляет ситуацию, необходимые компоненты которой (участники действия) находят свое выражение на уровне присловных связей (значение места и субъекта). Присловное распространение девербатива (внутренний синтаксис) обеспечивает необходимую полноту представления отражаемой им ситуации. Последняя, в свою очередь, становится сама компонентом следующей ситуации. Характер межситуационной связи вскрывает "внешний" синтаксис, который устанавливает функцию имени действия в предложении (в рассматриваемом примере — обстоятельственный оборот с временным значением).

Основное назначение предложно-падежных сочетаний, включающих имена действия, как и у других вторичных предикативных структур (инфинитивных, причастных, деепричастных оборотов) заключается в развертывании и построении текста. (Богданов 1981).

Известно, что отглагольные имена действия наследуют семантические валентности производящих (мотивирующих) глаголов. Например, *наступило лето – наступление лета*, где *лето* – распространитель с

субъектным значением ; *время собирать камни – время собирания камней*, где *камней* – объектный распространитель. Таким образом, синтаксическая специфика отглагольных имен заключается в их способности, подобно глаголам, поддерживать со своим ближайшим окружением актантные отношения, маркирующие различных участников действия.

Соответственно и объектом внимания "внутреннего" синтаксиса отглагольных существительных является в первую очередь внутренняя структура именных групп, в которые они входят (Комри 1985. 42). В частности, речь идет о том, какую трансформацию претерпевают актанты при номинализации глагола, например в сочетаниях : "предупредить о шторме – предупреждение о шторме – штормовое предупреждение". Отмечается, что местоимения также могут репрезентировать соответствующие актанты, например, "усвоение солей растениями — их усвоение растениями". Открытая позиция при имени действия может остаться незаполненной ; функцию "погашения" соответствующей глагольной валентности в этом случае полностью берет на себя контекст. Таким образом, на этом уровне устанавливается соответствие между отглагольным производным и исходным глаголом по набору актантов, а также выявляются особенности поверхностной реализации семантических валентностей глагола (Падучева 1977. 84-87).

Наличие двух сторон синтаксиса имени действия учитывается при разграничении активной и пассивной валентности отглагольного существительного (Ульянцева 1982. 12-13).

По общему признанию, "внутренний синтаксис имени действия в большей степени изучен, чем "внешний" (см. Суханова. 1964 ; Суша 1972 ; Саркисян 1973 ; Комри 1985 и др.). Основной задачей "внешнего" синтаксиса считается выявление функциональных особенностей имени действия в предложении. В монографическом исследовании В. П. Казакова вопросы синтаксиса имени действия получают детальную разработку в основном в аспекте "внешнего" синтаксиса. Первичной функцией имени действия признается осложнение простого предложения, связываемое с выражением зависимой пропозиции.

Внимание исследователей привлекает также стилистический аспект функционирования отглагольных существительных в тексте. Установлено, что отдельные жанры газетно-публицистического стиля (например, научно-популярная статья, репортаж, очерк) отличаются именным характером и сближаются в этом отношении с официально-деловым и научным стилем (Кожина 1977. 191).

Стилистические особенности девербатива традиционно связываются с

книжным характером суффикса *-ние*, отнесенностью имени действия к лексико-грамматическому разряду отвлеченных существительных, а также с книжной окраской конструкций с отглагольными существительными в целом, особенно с производными предлогами (Кожина 1977. 125-126, 129; Кожин и др. 1982. 85 ; Виноградова 1984. 12-13). Отмечается, что отглагольные существительные с суффиксом *-к(а)* обычно имеют более конкретное и даже бытовое значение, ср. : "давление- давка явление - явка" (Винокур 1939 ; Дементьев 1959).

Обращается внимание и на широкое употребление в научном и официально-деловом стилях устойчивых оборотов с отглагольными существительными, синонимичными глаголам (Кожина 1977. 170 ; Шмелев 1977. 106-107 ; Кожина и др. 1982).

В исследовании синтаксиса имен действия В. П. Казаков использует две разновидности монологической повествовательной речи для выявления особенностей функционирования девербативов. Указанные разновидности представлены основными коммуникативными регистрами речи : репродуктивным и информативным (Золотова 1989. 71). Репродуктивный регистр воспроизводит языковыми средствами наблюдаемую говорящим картину его хронотопа (времени - места) ; информативный - сообщает факты и мысли вне отнесенности к перцептору-наблюдателю, вне конкретной деятельности в данном хронотопе. Отмечается, что частотность определенных семантико-синтаксических структур, а также позиционное распределение имен действия в предложении может служить показателем регистровой принадлежности текста.

Общность семантики и грамматических свойств имен действия, а также их отличие в этом отношении от "типичных" конкретных существительных, свидетельствует о том, что отглагольные существительные представляют собой целостную категорию, обнаруживающую взаимосвязь семантики, морфологических признаков, словообразовательных моделей, синтаксических свойств и коммуникативно-стилистических функций. Благодаря этому единству и обеспечивается, несмотря на развитие у имен вторичных предметных значений, относительная устойчивость имен действия в системе русского языка.

5. Особенности предметных значений отглагольных имен действия

В процессе деривации "глагол → имя существительное" глагольная основа может утрачивать активный динамический характер процессуального значения. Грамматическая предметность девербатива становится

предпосылкой его семантической эволюции в сторону лексической опредмеченности (Казаков 1993 ; 1994). Отглагольное производное как бы стремится преодолеть конфликт между именным грамматическим оформлением и глагольным содержанием, следствием чего является развитие вторичных предметных значений (Покровский 1959. 75).

С лексической опредмеченностью связаны процессы субстантивации, "перехода" отглагольного имени в подлинное имя существительное (Казаков 1994. 5). Иногда развитие вторичных предметных значений рассматривается как основание для "вывода" отглагольных существительных за рамки категории имен действия. Ср. например, "провал" в значении действия по глаголу "провалить" и "провал" в значении "провалившееся место" (Казаков 1993).

Лексикализация отглагольных производных непосредственным образом опирается на их грамматические свойства, так как "использовать глагольное слово со всеми признаками процессуальности в качестве обозначения какого-либо предмета можно только при одном условии – лишив его этих свойств, или, по крайней мере, нейтрализовав те из них, которые противоречили бы его предметному восприятию" (Кубрякова 1977. 63). Развитие вторичных (предметных) значений связано с утратой отглагольными существительными исходного значения действия и переходом пропозитивной номинации в номинацию предмета.

Развитие у отглагольных существительных помимо исходного значения действия вторичных предметных значений, например, "управление автомобилем" и "строительное управление", "выход первой книги" и "загородить выход из автобуса" и др., представляет особую проблему для семантического исследования. Разграничение значения действия и значения предмета требует определения семантического критерия для разделения этих типов значений. Сложность этой задачи осознается многими исследователями, работающими в данной области. В. П. Казаков отмечает, например, что получивший распространение термин "опредмечивание" не только не проясняет типы значений отглагольных существительных, но, напротив, скрывает истинную сущность указанного семантического процесса (Казаков 1984). Нельзя не согласиться с аргументами Казакова, указывающего на противоречия в самой трактовке признака "предметность". Во-первых, этим признаком в грамматике характеризуется любое существительное, в том числе и обозначающее действие. Во-вторых, если отказаться от понимания "предметности" как свойства любого существительного и понимать под предметными значениями только такие, которые относятся исключительно к реальным предметам (физическим телам), то очевидно, что далеко не все

вторичные значения отглагольных существительных предметны в этом смысле.

В качестве примера, им берутся следующие значения (там же. 84):

1) общерезультативное – "достижение цели" и "быть обязанным своими достижениями";

2) значение качества – "окраска карнизов, балконов" и "различаться окраской";

3) значение места – "при выходе из автобуса" и "пойти к выходу".

Указанные вторичные значения в разной степени удалены от исходного значения действия: значение места, очевидно, более "опредмечено", чем общерезультативное значение. Однако все они противостоят значению действия по нечеткости обозначения процесса.

Понятные по своей сути замечания Казакова могут быть, однако, опровергнуты: ведь и в числе неоспоримых существительных "предметны" далеко не все – и "дождь", и "вода", с одной стороны, и слова типа "идея" или "цивилизация" и др., с другой, тоже могут быть признаны "предметными" лишь условно (ведь и они не подлежат остенсивному определению в отличие от подлинных тел и предметов!) К рассмотрению этой проблемы нам, конечно, еще придется вернуться, и важно, что многие ученые уже ставили ее и предлагали разные ее решения.

В целом, в решении проблемы вторичных предметных значений отглагольных существительных особое место многими учеными отводится разграничению производных с процессуальным и непроцессуальным значением. Именно процессуальное значение, по мнению В. П. Казакова, следует признать маркированным членом в оппозиции двух основных типов значений отглагольных существительных (Казаков 1984; 1994). Ему противопоставлено непроцессуальное значение, которое можно назвать предметным или опредмеченным лишь в том смысле, что оно *непроцессуально*. Отмечается также синсемантичность отглагольных существительных, реализующих непроцессуальные значения. В формируемых ими словосочетаниях проявляются элементы обязательной связи: "Дмитрий Васильевич Стасов был близок к окружению Н. Г. Чернышевского" (цит. по Казаков 1984. 86). Подчеркивается, что эта синсемантика и обязательность не имеют ничего общего с синтаксической валентностью. Носителями последней являются отглагольные существительные с процессуальным значением. Синсемантика отглагольных существительных с непроцессуальным значением – это явление лексического, а не семантического уровня.

С морфологической точки зрения в отглагольных производных с

непроцессуальным значением стерты "воспоминания" о категориях времени и вида, которые живы в именах действия. Например, "провал в полусон" – девербатив, соотносимый с глаголом "провалиться" а "... глыбы, бурелом, провалы" – непроцессуальное значение существительного "провалившееся место.

Синтаксические признаки существительных с процессуальным / непроцессуальным значениями существенно различаются. Изменяется характер непосредственного синтаксического окружения девербатива. Отношения между глагольным действием и его различными участниками сменяются определительным значением распространителя, характеризующего предмет (в грамматическом понимании). Отглагольные существительные с непроцессуальным значением выполняют в предложении синтаксические функции, удовлетворяющие традиционным представлениям о членах предложения (Казаков 1994).

Субстантивные сочетания, включающие отглагольные существительные с процессуальным значением, представляют собой предложение "в миниатюре". Место глагола в личной форме занимает отглагольное существительное, а остальные члены сочетания являются зависимыми компонентами, например, "возникновение научных обществ" – "возникают научные общества" и др. (Арутюнова. 1972).

Непроцессуальные значения отглагольных существительных актуализируют различные компоненты возможного синтаксического окружения производящих глаголов (см. Апресян 1974. 193–200 ; Гинзбург 1979. 79–83) : значения субъекта – "командование, управление", объекта – отправление, перевод, результата – "изобретение, постройка", средства – "вооружение, освещение", места – "вход, выход". Показательны в этом отношении следующие цепочки "петь – пение– песня ; рисование– рисование – рисунок ; звучать – звучание –звук и др. " где вторые компоненты носят явно процессуальный характер в отличие от третьих компонентов, которые представляют определенный результат действия, обозначенного глаголом и предыдущим именем" (Долженко 1993. 122).

Отсутствие лексического тождества глаголам даже у отглагольных имен действия и регулярность их опредмечивания обуславливают необходимость компонентного анализа их семантики и выявления лексико-синтаксических и морфологических указателей процессуальности существительных. Установлено, что для имен действия типовым является определенный набор семантических признаков : 1) процессуальность, 2) субъектность, 3) объектность, 4) локальность, 5) темпоральность, 6) контролируемость/ неконтролируемость, 7) характер действия,

8) целенаправленность, 9) результативность (Вакарюк 1985).

При этом не исключается возможность варьирования данных признаков в семантике имен действия разных типов.

При анализе имен действия в качестве основного метода выявления сем может использоваться их определение методом компонентного анализа и словарных дефиниций. Процессуальное значение легко обнаруживается, когда имя напрямую соотносится с такими развернутыми дефинициями – суждениями, в которых ключевыми словами выступают слова с ярко выраженными процессуальными значениями: "акция, действие, процесс и др." Однако, как отмечает Е. И. Коряковцева, эти лексемы в идентифицирующей функции в толкованиях слов используются довольно редко (Коряковцева 1996). Если в качестве слова – идентификатора выступает лексема с невыраженным процессуальным значением, более адекватным представляется метод ступенчатой идентификации семантики слова (там же). Для выявления процессуального значения может быть применен и метод синонимического тождества, когда слово толкуется целым рядом синонимов. Предлагается сравнить, например, "безумие, сумасшествие, помешательство". Достаточно в одном из синонимов обнаружить процессуальное значение, чтобы приписать его всем единицам, составляющим синонимический ряд.

ЛИТЕРАТУРА

- Адамец П.О семантико-синтаксических функциях девербативных и деадъективных существительных // Филол. науки. 1973, №4. с.53 - 60.
- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян Ю.Д. Синтаксис и семантика в синтаксическом описании //Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.
- Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл : Логико-семантические проблемы. М., 1976.
- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Богданов В.В. Роль вторичной предикации в построении связного текста// Семантика и прагматика синтаксических единств. Калинин, 1981. с.5 - 13.
- Булин П.В. Отглагольные парные имена на -ние и -ка в современном русском языке. - Автореф. канд. дисс. - Горький, 1965
- Булыгина. Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке //Семантические типы предикатов. М., 1982. с.7-85.
- Вакарюк Л. А. Структурно-семантический анализ имен существительных со значением процесса, не мотивированных глаголами. - Авторе. канд. дис. Одесса, 1985.
- Васильева А. Н. Газетно-публицистический стиль : Курс лекций по стилистике русского языка для филологов. М., 1982.
- Виноградов В. В. О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII - XIX вв.

- //Избранные работы по истории русского литературного языка. М., 1978.
- Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1986.
- Виноградова В.Н., Винокур Т.Г., Еремина Л.И. и др. Стилистика, русского языка : Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста. М., 1987.
- Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии//Труды Моск. ин-та истории, философии и литературы. Т. 5 (Сб. статей по языкознанию). М., 1939. с.3-54.
- Востоков А.Х. Русская грамматика. СПб., 1935.
- Гак В.Г. Номинация действия// Логический анализ языка : Модели действия. М., 1992.
- Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М., 1983.
- Гинзбург Е.Л. Словообразование и синтаксис. - Москва, 1979.
- Долженко Н.Г. Девербативные существительные и некоторые особенности их отношений в структуре простого предложения// Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. - Екатеринбург, 1993. с. 123 - 128.
- Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
- Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка, Москва, Русский язык, 1996.
- Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Золотова Г.А. Об основаниях классификации предложений// Рус. яз. за рубежом. №5. М., 1989. с.66-73.
- Казаков В.П. Имена действия в грамматике и в словаре// Филол. науки. - 1973, № 3. с.102 - 106.
- Казаков В.П. Синтаксис имен действия. СПб., 1994.
- Кожин А.Н., Крылова. О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. М., 1982.
- Кожина М.Н. Стилистика русского языка. 1977.
- Комри Б. Номинализация в русском языке : словарно-заданные именные группы или трансформированные предложения?// Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15. М., 1985. с.42-49
- Коряковцева Е.И. Статус имени действия//Вопр. языкознания. 1996, №3. с.55 - 66.
- Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 1978.
- Кузнецова Г.А. Признаки процессуальности отглагольных существительных и условия ее сохранения //Лексическая семантика и словообразование в русском языке. - Куйбышев, 1979. с.56 - 64.
- Кузнецова Г.А. Сиверина Е.Г. Лексические указатели процессуального значения отглагольных существительных в современном русском языке. - Куйбышев, 1979. с.64 - 70.
- Лемов А.В. Деривационно-функциональный анализ имен действ в современном русском языке. - Автореф. канд. дис. -Л., 1975.
- Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986. с.69.
- Падучева Е.В. О производных диатезах предикатных имен в русском языке//Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977. с.84-107.
- Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959
- Рихтер Г.И. Словообразовательные параллели в системе русских имен действия//Рус. яз. в школе. 1957, № 4. с. 25-29.
- Русская грамматика. Т.1. М., 1980. с 0.142.
- Саркисян Б.В. Сочетаемость отглагольных имен существительных в современном русском языке. -Автореф. канд. дис. М., 1973
- Сахо СА Действие в контексте естественного языка//Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992.
- Словарь русского языка. В 4-х т. Т.1. М., 1985. с. 11.
- Современный русский язык/Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1989. с.571.
- Солганик Г.Я. Стиль репортажа. М., 1970.
- Суханова З.Я. Синтаксические особенности отглагольных существительных со значением действия. -Автореф. канд. дис. М., 1964.

- Суша Т.Н. Семантико-синтаксические свойства имен действия в современном английском языке.
- Автореф. канд. дис. Минск, 1972.
- Тихонов А.Н. Актуальные проблемы русского словообразования. Тезисы 5 Республиканской научно-теоретической конференции. Часть 1, Самарканд, Самаркандский государственный педагогический институт, 1987.
- Умифева А.А. и др. Лингвистическая сущность и аспекты номинации // Языковая номинация : (Общие вопросы). М., 1977. с.7 - 98.
- Хохлачева В.Н. К истории отглагольного словообразования существительных в русском литературном языке нового времени. М., 1969.
- Шмелев А.Д. Русский язык в его функциональных разновидностях (К постановке проблемы). М., 1977.
- Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Словообразование : проблемы и методы изучения, Москва, АН СССР. Институт русского языка, 1988.
- Fraser B, Some remarks on the action nominalization in English // Readings in English transformational grammar. 1970. P. 83- 98.
- Lyons J. Semantics. Cambridge, et. 1977.
- Vendler Z. Verbs and times// Linguistics in philosophy. Ithaca, 1967.

(2000.4.4受理)